

А. А. ТАХО-ГОДИ

Я задыхался от невозможности
выразиться и высказаться...

Об А. Ф. Лосева и его «Диалектике мифа»

В 1920-е годы научная работа А. Ф. Лосева шла чрезвычайно интенсивно. К 1927 г. опубликован его «Античный космос и современная наука», «Философия имени», «Диалектика художественной формы», «Музыка как предмет логики»; в 1928 г. — «Диалектика числа у Плотина»; в 1929 г. — «Критика платонизма у Аристотеля»; в 1930 г. — «Очерки античного символизма и мифологии», «Диалектика мифа». В каждой из этих книг выявлялась и изучалась автором специфика науки (космология, астрономия, математика), политических и этических учений, мифологии и религии. Однако у самого автора было ощущение, что он задыхается «от невозможности выразиться и высказаться»*. Власти, да и не только власти, но и те, кто именовал себя философами-марксистами, будь они «механистами» или «диалектиками», не могли вынести обилия печатных трудов идеалиста Лосева. Да и сам идеалист-диалектик чувствовал

* Лосев А. Ф., Лосева В. М. «Радость на веки»: Переписка лагерных времен. М.: Русский путь, 2005.

себя «сосланным в XX век»*, в эпоху диктатуры пролетариата.

Последнюю из изданных книг, «Диалектику мифа», Лосев завершил еще в 1927 г. Но поскольку она лежала без движения, он начал постепенно ее дополнять. Многие вставки, сделанные им, были самого обычного научного характера и ничего принципиально нового не содержали. Это видно по экземпляру машинописи (с вставками, написанными от руки), возвращенному мне из Центрального архива ФСБ РФ (1995). Именно этот экземпляр прошел цензуру после замечательного в своем роде заключения политредактора Главлита, члена ВКП(б) С.А. Басова-Верхоянцева (7/IX-1929), известного в те годы как поэт-баснописец. Цензор отметил сначала, что автор «философского трактата» — «чуждый марксизму (идеалист)», и привел ряд тезисов в подтверждение своей мысли: «Миф не есть фикция», а «подлинная и максимальная, конкретная реальность»; далее, «весь мир, все живое и неживое одинаково суть миф и одинаково суть чудо», «миф есть развернутое магическое имя». Затем следовала резолюция совсем не бюрократического характера: «Разве только в интересах собирания и сбережения оттенков философской мысли, м.б., и можно было напечатать эту работу, столь не материалистически и не диалектически построенную»**.

Задумав ускорить печатание, Алексей Федорович объединил «Диалектику мифа» и с другой уже готовой книгой «Вещь и имя» в один

* Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...». Т. 1–2. М.: Время, 2002.

** Следственное «Дело № 100256 по обвинению Лосева Алексея Федоровича и др.». Т. 8, л. 197.

текст — «Диалектика мифа и сказки». В это же время он завершил большое (в несколько сот страниц) «Добавление к „Диалектике мифа и сказки“», полагая, что предшествующий текст несколько устарел, но «Добавление» (или, как всегда в обиходе автор называл его, «Дополнение») не было разрешено к печати цензурой. Тогда А. Ф. Лосев пустился на отчаянный шаг. Он решил разъединить «Диалектику мифа и сказки»: «Вещь и имя» отправить в типографию Иванова в Сергиев Посад, а в «Диалектику мифа», уже допущенную цензурой, вставить, по сути дела контрабандно, несколько десятков страниц из «Дополнения», причем самых опасных. Происходило это в самом Главлите, где жена Лосева, Валентина Михайловна, вместе с некой сотрудницей Марией Ивановной приводила в соответствие лосевский и главлитовский экземпляры при разбивке «Диалектики мифа и сказки» на две самостоятельные работы*. Факт, что в главлитовский экземпляр были сделаны вставки, остался незамеченным, и книга ушла в типографию. Однако 18 апреля 1930 г., в ночь на Страстную пятницу, А. Ф. Лосев был арестован, и в постановлении ОГПУ прямо говорится о «поводе» ареста — вставке в разрешенную рукопись добавлений «контрреволюционного содержания». В справке, составленной Соловьевым**, начальником IV отдела ИНФО ОГПУ, указывается, что на с. 89, 98—134, 241—263 (а это глава XIV — переход к реальной мифологии и идея

* Дело... Т. 2, л. 494—495.

** Дело... Т. 8, л. 193—196.

абсолютной мифологии) содержится криминал, который теперь всем известен, — о пролетарской идеологии, об отношении социализма к искусству, о материализме, вере и знании, о теле как проявлении духа, о монастырских службах. Более подробные, так сказать антисоветские, выписки из «Диалектики мифа» сделал секретарь ИНФО Кучеров*. Именно они послужили материалом для будущего выступления Л. М. Кагановича на XVI съезде партии.

Сам Алексей Федорович — как видно из его показаний от 1 июля 1930 г. — также полагал, что был арестован за сделанные вставки. Однако уже то, что справка Соловьева составлена в день ареста, свидетельствует о том, что материал готовился заранее и что «повод» не является подлинной причиной. Действительно, впоследствии в деле, к которому было привлечено 42 человека, об указанном «поводе» не упоминалось ни слова. Все было серьезнее: вопрос стоял о том, «что такое вообще русская философия в данный момент и допустима или нет литературно-философская деятельность» вроде лосевской.

Материалы, исходящие из недр ОГПУ, все эти справки, постановления и заключения, касающиеся «Диалектики мифа», были подготовлены только к концу июня 1930 г. — их использовал в своем докладе на XVI съезде ВКП(б) Л. М. Каганович на четвертом утреннем заседании 28 июня. Книга Лосева, «философа-мракобеса», свидетельствовала об обострении классовой борьбы и о недостаточности

* Дело... Т. 8, л. 171–180.

бдительности, особенно «по линии культуры, по линии литературы»*. В ОГПУ готовились и другие материалы**, они, как теперь стало известно, были посланы под грифом «совершенно секретно» Е. Ярославскому, члену Президиума и секретарю ЦКК ВКП(б), уже в связи с «Добавлением к „Диалектике мифа“».

Так, следователь Марианна Герасимова, чтобы подвести А. Ф. Лосева под статью 58/10, сделала из «Добавления» интересные для ОГПУ выписки — нечто вроде конспекта, крайне тенденциозного. Самую большую часть книги — богословскую, она просто проигнорировала. Среди цитат (а их в книгах Лосева всегда сотни) из множества различных статей и книг она выискивала фрагменты социально-политического характера, которые вне контекста всей рукописи и всей философской концепции Лосева можно было интерпретировать с выгодной для следствия точки зрения (Лосев упоминал и цитировал сочинения В. Зомбарта, Плеханова и Маркса, Шеллинга, Фихте, Гегеля, Платона и исследователей мифологии Платона — Л. Кутюра, Дж. Стюарта, В. Вилли, К. Рейнхарда, а также Ницше и Вяч. Иванова, О. Уайльда, О. Вейнингера и В. В. Розанова, а также Н. Ф. Федорова). Таким образом, видимо, и создавалась некая «брошюра»,

* XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 75.

** Одна из справок следователя М. Герасимовой была впервые опубликована А. В. Гульгой в журнале «Родина», № 10, 1989, другая появилась в журнале «Источник» — Приложении к журналу «Родина», раздел «Старая площадь» (Вестник Архива Президента РФ. 1996. № 4).

оказавшаяся в руках знаменитого пролетарского писателя Максима Горького в 1931 г. (он ссылается на некую «рукописную копию нелегальной брошюры профессора Лосева»), когда он готовил статью «О борьбе с природой»^{*}, в которой признал Лосева «слепым», «малограмотным» профессором, опоздавшим умереть. Сам Алексей Федорович тогда (отбыв во внутренней тюрьме Лубянки 17 месяцев, из которых четыре — в одиночке) уже трудился на стройке Беломорско-Балтийского канала на Свирьстрое (сначала была Кемь со сплавом леса, а потом, по инвалидности, перевели на Свирьстрой сторожем на лесную биржу).

В свете вышесказанного вернемся к вопросу об истинной причине ареста Алексея Федоровича — она была связана с проблемами религиозными, а именно имяславскими, много занимавшими Лосева в 20-е годы^{**}. Однако арестовать человека за чисто теоретические богословские рассуждения было трудновато, надо было доказать антисоветскую направленность его сочинений. Именно поэтому большая часть «Дополнения», касающаяся абсолютной мифологии, бытия Божия, оказалась для следователей ненужной. К тому же сам Лосев и так не скрывал своей веры, своих церковных связей и своих фило-

^{*} Статья М. Горького была напечатана в «Правде» и «Известиях» 12 декабря 1931 г.

^{**} Учение об имени Божиим известно еще с IV в. по богословским спорам в Византии, по Ареопагитскому корпусу (VI в.), по трудам св. Григория Паламы (XIV в.), в которых излагается его понимание сущности и энергии Божией. Обсуждение этих богословско-философские проблемы в России актуализировалось в начале XX в.

софских разработок богословского учения об имени Божием.

Имяславские симпатии и связи Лосева были хорошо известны ОГПУ, поэтому следствие сосредоточилось не на философском осмыслении имяславия, а на реальных фактах современной действительности с ее церковными спорами и разладом, придав, как это было естественно, политическую, антисоветскую окраску всему делу.

Однако сфабриковать нечто значительное ОГПУ не удалось. Это было настолько очевидно, что ряд «участников» получил трехлетнюю высылку, нескольких освободили. Лосев, как «теоретик» имяславия, получил 10 лет, М.А. Новоселов, как «практик» имяславия, — 8 лет. В дальнейшем, в связи с завершением строительства Беломорканала и инвалидностью Лосева (он почти ослеп), благодаря хлопотам Е. П. Пешковой и З.А. Таргонской, друга Лосевых, хорошо знавшей Е. П. Пешкову еще до революции*, Алексей Федорович в 1933 г. досрочно вышел из лагеря.

Вполне сознавая грозные последствия после завершения им «Диалектики мифа», а затем и «Дополнения» к ней, он писал из лагеря Валентине Михайловне: «В те годы я стихийно рос как философ, и трудно было (да и нужно ли?) держать себя в обручах советской цензуры». «Я задыхался от невозможности выразиться и высказаться, этим и объясняются контрабандные вставки в мои сочинения после цензуры, и в том числе (и в особенности) в „Диалектику мифа“. Я знал, что это опасно, но желание выразить

* См.: Лосев А. Ф., Лосева В. М. Радость на веки. Переписка лагерных лет. М., 2005)

себя, свою расцветающую индивидуальность для философа и писателя преодолагает всякие соображения об опасности» (11/III-1932). Глубокую характеристику «феномена» А. Ф. Лосева дал наш известный философ С. С. Хоружий. По его словам, творческая деятельность Лосева — это «арьергардный бой русской христианской культуры». Даже если русская христианская культура «ушла, отступила, но он волей судьбы остался, и он не складывает оружия». К замечательному итогу приходит С. С. Хоружий: «Арьергардный боец — вот образ автора в „Диалектике мифа“. И это же — образ для фигуры Лосева вообще»*.

* * *

Шли годы, проходили десятилетия, а Лосев все так и оставался подозрительным элементом, хотя был восстановлен в гражданских правах. Работы в Москве не было. Многие годы до начала войны в 1941 г. он ездил в Куйбышев, Чебоксары, Полтаву читать лекции по античной литературе в педвузах**. Недаром Алексею Федоровичу снился долгое время страшный сон: «Руки у меня скручены сзади», а «какой-то человек много и часто бьет меня по лицу, по щекам, по уху, по голове, по горлу, и я ничего не могу поделаться»

* *Хоружий С. С.* Арьергардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева // *Философия не кончается. Из истории отечественной философии. XX век. 1920–1950-е гг.* М., 1998. С. 486. Кстати сказать, в этой статье С. С. Хоружий первый назвал сочинения А. Ф. Лосева 1920-х и начала 1930-х гг. «восьмикнижием».

** Об обстановке в этих вузах см. книгу: *Лосев А.* «Я сослан в XX век...» Т. 2. М., 2002, где напечатаны письма к В. М. Лосевой из указанных городов.

(письмо от 10/VII-1940 г. В. М. Лосевой). В 1943 г. Алексей Федорович получил степень доктора филологических наук, давать ему степень доктора философских наук опасались. Пригласили в 1942 г., когда начались курсы логики, на философский факультет МГУ, но по доносу, как идеалиста, оттуда «вышибли» (слова самого Лосева), хорошо еще, что дали в МГПИ им. Ленина ставку на классическом отделении. В 1957 г. в МГПИ Лосева лишили штатной ставки, т.е. опять выбросили на улицу. После многих хлопот дали полставки. Преподавал Лосев десятки лет греческий и латинский языки аспирантам кафедр общего языкознания и русского языка. Ни одной статьи, ни одной его книги не было напечатано до самой смерти Сталина. Все 1930-е гг. писались издательские рецензии на его эстетические и мифологические труды. В 1947–1949 гг. устраивали мощные проработки Лосева на факультете русского языка и литературы, на кафедре классической филологии, на основании отзывов (на статьи об эстетике Гомера и на «Олимпийскую мифологию»), сфабрикованных невеждами (все отзывы сохранились в архиве Лосева)*. Не забудем катастрофу 1941 г., когда от фашистской бомбы, попавшей в дом, погибли близкие и были уничтожены библиотека и архив, а также тягостную работу (без всякой государственной помощи) по налаживанию новой жизни. Не забудем, в каких условиях Лосев занимался наукой после лагеря, почти ослепший. «На что вы надеетесь, Алексей Федорович?» — спросила его ученица Юдифь Каган

* См. книгу: Тахо-Годи А. А. Лосев. 2-е изд. М., 2007 (серия ЖЗЛ).

(дочь близкого Лосеву неокантианца М. И. Кагана).
«На археологию», — ответил он.

А «Диалектика мифа», запрещенная книга, тираж которой был задержан, все-таки, когда Лосев уже отбывал срок, продавалась неисповедимыми путями, а кроме того, попала в Государственную библиотеку им. Ленина, и отнюдь не в спецхран, а в обычный доступ. После перестройки «Диалектика мифа» была многократно переиздана и круг ее читателей неизмеримо расширился. Изучение мифологического сознания как относительных мифологий, так и универсальной, абсолютной мифологии, предпринятое Лосевым, оказалось необыкновенно востребовано в эпоху, когда мифы один за другим творятся на наших глазах.

ДИАЛЕКТИКА МИФА

А. Ф. ЛОСЕВ

Настоящее небольшое исследование имеет своим предметом одну из самых темных областей человеческого сознания, которой раньше занимались главным образом богословы или этнографы. Те и другие достаточно оскандалились, чтобы теперь могла идти речь о вскрытии существа мифа богословскими или этнографическими методами. И не в том беда, что богословы-мистики и этнографы-эмпирики (большею частью богословы — весьма плохие мистики, пытаясь заигрывать с наукой и мечтая стать полными позитивистами, а этнографы — увы! — часто очень плохие эмпирики, находясь в цепях той или другой произвольной и бессознательной метафизической теории). Беда в том, что мифологическая наука до сих пор не стала не только диалектической, но даже и просто описательно-феноменологической. От мистики все равно не отделаться, раз миф претендует говорить о мистической действительности, с другой стороны, без фактов невозможна никакая диалектика. Но если будут считать, что факты мистического и мифического сознания,

которые я привожу в пример, суть исповедуемые мною самим факты или что учение о мифе только и состоит из наблюдения одних фактов, то лучше им не вникать в мой анализ мифа. Надо вырвать учение о мифе и из сферы ведения богословов, и из сферы ведения этнографов; и надо принудить стать сначала на точку зрения диалектики и феноменолого-диалектической чистки понятий, а потом уже предоставить делать с мифом что угодно. Позитивно анализируя миф, я не пошел вслед за многими, которые теперь позитивизм изучения религии и мифа видят в насильственном изгнании из того и другого всего таинственного и чудесного. Хотят вскрывать существо мифа, но для этого сначала препарируют его так, что в нем уже ничего не содержится ни сказочного, ни вообще чудесного. Это или нечестно, или глупо. Что касается меня, то я вовсе не думаю, что мое исследование будет лучше, если я скажу, что миф не есть миф и религия не есть религия. Я беру миф так, как, он есть, т.е. хочу вскрыть и позитивно зафиксировать, что такое миф сам по себе и как он мыслит сам свою чудесную и сказочную^{1*} природу. Но я прошу не навязывать мне несвойственных мне точек зрения и прошу брать от меня только то, что я даю, — т.е. только одну диалектику мифа.

Диалектика мифа невозможна без социологии мифа. Хотя это сочинение и не дает специально социологии мифа, но это является введением в социологию, которую я всегда мыслил философско-исторически и диалектически. Разобравши логическую и феноменологическую структуру мифа, я перехожу в конце книги к установке основных

социальных типов мифологии. Этой социологией мифа я занимаюсь специально в другом труде^{2*}, но уже и тут ясна всеобъемлющая роль мифического сознания в разных слоях культурного процесса. Теория мифа, которая не захватывает культуру вплоть до ее социальных корней, есть очень плохая теория мифа. Нужно быть очень плохим идеалистом, чтобы отрывать миф от самой гуши исторического процесса и проповедовать либеральный дуализм: реальная жизнь — сама по себе, а миф — сам по себе. Я никогда не был ни либералом, ни дуалистом, и никто не может меня упрекать в этих ересьях.

А. Лосев

Москва. 28 января 1930 г.